MASTER
NEGATIVE
NO. 91-80016-16

MICROFILMED 1992

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES/NEW YORK

as part of the
"Foundations of Western Civilization Preservation Project"

Funded by the
NATIONAL ENDOWMENT FOR THE HUMANITIES

Reproductions may not be made without permission from
Columbia University Library

COPYRIGHT STATEMENT

The copyright law of the United States -- Title 17, United States Code -- concerns the making of photocopies or other reproductions of copyrighted material...

Columbia University Library reserves the right to refuse to accept a copy order if, in its judgement, fulfillment of the order would involve violation of the copyright law.

AUTHOR:

STASHEVSKII, EVGENII D.

TITLE:

K ISTORII...

PLACE:

MOSKVA

DATE:

1915

Master Negative #

91-80016-16

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES
PRESERVATION DEPARTMENT

BIBLIOGRAPHIC MICROFORM TARGET

Original Material as Filmed - Existing Bibliographic Record

947
Z
v.8

Stashevskiĭ, Evgeniĭ Dmitrievich, 1884-
K istorii dvorianskikh chelobitnykh. On the history of the Nobles' petitions. [Izdanie] Istoriko-rodoslovnago Obshchestva v Moskvie. Moskva, 1915.
25 p. 26 cm.

At head of title: E. Stashevskiĭ.
Reprint from "Sbornik v chest' L.M. Savelova".

VOLUME OF PAMPHLETS

Restrictions on Use:

TECHNICAL MICROFORM DATA

FILM SIZE: 35mm REDUCTION RATIO: 11X
IMAGE PLACEMENT: IA (IIA) IB IIB
DATE FILMED: 4/25/91 INITIALS F.C.
FILMED BY: RESEARCH PUBLICATIONS, INC WOODBRIDGE, CT

AIIM

Association for Information and Image Management

1100 Wayne Avenue, Suite 1100
Silver Spring, Maryland 20910

301/587-8202

Centimeter

Inches

MANUFACTURED TO AIIM STANDARDS
BY APPLIED IMAGE, INC.

1
по.6

Е. СТАШЕВСКІЙ.

КЪ ИСТОРІИ ДВОРЯНСКИХЪ ЧЕЛОБИТНЫХЪ.

МОСКВА.
1915.

Е. СТАШЕВСКІЙ.

КЪ ИСТОРІИ ДВОРЯНСКИХЪ ЧЕЛОБИТНЫХЪ.

МОСКВА.
1915

Изъ Сборника въ честь Л М. САВЕЛОВА

поставщикъ двора Его Величества
по скорочечатни

КЪ ИСТОРІИ ДВОРЯНСКИХЪ ЧЕЛОБИТНЫХЪ.

Коллективная челобитная 3 февраля 145 г.

Изученіе дворянскихъ челобитныхъ, главнымъ образомъ коллективныхъ, и ихъ вліянія на указную дѣятельность правительства давно уже осознано и поставлено на очередь. Тѣмъ не менѣе, количество изданныхъ дворянскихъ челобитныхъ, по крайней мѣрѣ, за первую половину XVII вѣка остается все же незначительнымъ. Достаточно сказать, что въ такомъ основномъ вопросѣ какъ дворянской программы, такъ и вообще указной дѣятельности московскаго правительства, въ вопросѣ объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ изслѣдователи не располагали до сихъ поръ челобитными, легшими въ основу указовъ 145, 149, 153 гг. и XI главы Уложенія царя Алексѣя Михайловича.

Въ самомъ дѣлѣ, свѣдѣнія о челобитной дворянъ и дѣтей боярскихъ, повлекшей за собой февральскій указъ 145 г., увеличивающій срокъ исковой давности по искамъ о бѣглыхъ крестьянахъ съ 5 до 9 лѣтъ, читались первоначально лишь въ писцовомъ наказѣ 154 г. о переписи Московскаго уѣзда [1]), и только съ 1894 г., съ опубликованія второго тома Актовъ Московскаго государства, стали извѣстны еще въ трехъ другихъ документахъ. Одинъ изъ нихъ—это память отъ 11 октября 147 г. изъ Разряда въ Устюжскую четь въ отвѣтъ на запросъ послѣдней: за сколько лѣтъ велѣно отдавать бѣглыхъ крестьянъ ихъ помѣщикамъ [2]). Второй и третій—это челобитье иноземцевъ о дачѣ имъ суда на ихъ бѣглыхъ крестьянъ въ крестьянствѣ противъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и особенно память отъ 27 января 147 г. съ изложеніемъ челобитья иноземцевъ и съ сообщеніемъ государева указа по этому челобитью [3]).

---

[1]) А. А. Э. IV, № 14.
[2]) Акты Моск. госуд. т. II, № 143.
[3]) Ibid., № 160.

Изъ всѣхъ этихъ документовъ наибольшей краткостью отличается писцовый наказъ 154 г., въ которомъ къ челобитью 145 г. относится только слѣдующее мѣсто: «Да въ Розрядѣ выписано изъ Судебника, что присланъ изъ Московского Судного приказу, написано: въ прошломъ во 145 году отецъ ево государевъ, блаженныя памяти Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи пожаловалъ дворянъ и дѣтей боярскихъ Украинныхъ и Замосковныхъ городовъ, по ихъ челобитію велѣлъ имъ на бѣглыхъ крестьянъ во крестьянствѣ давать судъ противъ Троицкого Сергіева монастыря властей, а Троицкого Сергіева монастыря властемъ въ то время бѣглыхъ крестьянъ по суду отдавали за девять лѣтъ». Эта выписка, такимъ образомъ, указываетъ только на самый фактъ челобитья, касавшагося исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, и на то, что челобитье было подано въ 145 г. дворянами и дѣтьми боярскими украинныхъ и замосковныхъ городовъ. Болѣе детальнаго опредѣленія челобитья выписка не содержитъ, равно какъ она не опредѣляетъ болѣе точно какъ времени и обстоятельствъ составленія и подачи челобитной, такъ и момента состоявшагося по ней государева указа.

Второй изъ документовъ—память изъ Разряда въ Устюжскую четь отъ 11 октября 147 г.—нѣсколько полнѣе, но только въ томъ отношеніи, что даетъ болѣе точную дату государева указа по челобитью, относя этотъ указъ на февраль 145 г. Изъ этой же памяти можно заключить, что государевъ указъ былъ формулированъ такъ, что въ немъ читалось только объ уравненіи въ исковой давности по дѣламъ о бѣглыхъ крестьянахъ челобитчиковъ съ Троице-Сергіевскимъ монастыремъ, но точнѣе срокъ урочныхъ лѣтъ въ государевѣ указѣ не былъ опредѣленъ и опредѣлился позднѣе, въ памяти 146 г. въ Разрядѣ съ Патріаршаго двора, въ памяти также нигдѣ еще не напечатанной.

Наконецъ, третій и четвертый документы—челобитье иноземцевъ и память по этому челобитью отъ 27 января 147 г.,—представляя въ одномъ отношеніи, именно въ датировкѣ дворянскаго челобитья и государева указа по этому челобитью, источникъ ненадежный, содержатъ въ себѣ слѣдующее любопытное указаніе: «и какъ де въ прошломъ, во 146 г., били челомъ государю украйныхъ и замосковныхъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе о бѣглыхъ своихъ о немѣстныхъ и о вотчинныхъ крестьянѣхъ, чтобъ имъ на тѣхъ ихъ бѣглыхъ крестьянъ для ихъ службъ судъ давати сверхъ указныхъ 5-и лѣтъ, какъ государь укажетъ, и въ томъ де челобитьѣ дворяне и дѣти боярскіе ихъ, иноземцевъ, поляковъ и нѣмцевъ, не написали». Принимая это указаніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно редактировано, сопоставляя его съ изложеніемъ челобитной 149 г. и не обращая должнаго вниманія на то, что это указаніе въ памяти есть пересказъ челобитья иноземцевъ, дѣлали выводъ о постепенности въ выработкѣ дворянскихъ требованій касательно урочныхъ лѣтъ: сначала де дворяне

и дѣти боярскія хлопотали объ удлиненіи срока урочныхъ лѣтъ и затѣмъ уже, нѣсколько лѣтъ спустя, о полной ихъ отмѣнѣ [1]).

Таковы наши свѣдѣнія и отчасти сдѣланные на основаніи ихъ выводы относительно дворянскаго челобитья 145 г. и состоявшагося по этому челобитью февральскаго указа того же года. Замѣтимъ еще, что на основаніи всѣхъ имѣющихся до сихъ поръ въ распоряженіи изслѣдователя данныхъ можно заключить, что въ 145 г. дворяне и дѣти боярскія въ своей челобитной жаловались только на обиды и притѣсненія, происходящія отъ урочныхъ лѣтъ; содержала ли эта челобитная другія какія-либо жалобы, обращались ли въ ней дворяне и дѣти боярскія съ какими-либо другими требованіями, кромѣ удлиненія срока урочныхъ лѣтъ,—всѣ эти вопросы въ лучшемъ случаѣ оставались открытыми.

Оставляя въ сторонѣ челобитную иноземцевъ 147 г., обращаемся къ дворянской челобитной 149 г. Свѣдѣнія о ней даетъ опять таки писцовый, точнѣе переписчиковый, наказъ 154 г., затѣмъ память въ Земскій приказъ отъ 9 марта 150 г. [2]) и выписка изъ статейнаго списка, содержащая въ себѣ царскій указъ о срокѣ для сыска бѣглыхъ крестьянъ, напечатанная въ Актахъ Археогр. Эксп. въ третьемъ томѣ за № 350 и неправильно отнесенная, какъ въ этомъ изданіи, такъ и въ послѣдующихъ переизданіяхъ къ 1634—35 гг. [3]).

Переписчиковый наказъ 154 г., передавая вкратцѣ содержаніе челобитной 149 г., важенъ въ томъ отношеніи, что даетъ понять, что челобитіе вышло изъ среды дворянъ и дѣтей боярскихъ «розныхъ городовъ, которые въ прошломъ во 149 году для службы были на Москвѣ». Болѣе полной и важной для опредѣленія какъ содержанія челобитной 149 г., такъ и содержанія состоявшагося по ней государева указа является память въ Земскій приказъ отъ 9 марта 150 г. Она начинается введеніемъ, въ которомъ содержится общее указаніе на челобитіе дворянъ и дѣтей боярскихъ «розныхъ городовъ» на духовныя власти и учрежденія, бояръ, окольничихъ... и всякихъ чиновъ московскихъ людей, «и на свою братію, на дворянъ и на дѣтей боярскихъ, о бѣглыхъ и о вывозныхъ людехъ и крестьянехъ и во всякихъ обидахъ», съ просьбою челобитчиковъ съ обидчиками «свой государевъ указъ учинить». Въ дальнѣйшемъ память представляетъ изъ себя изложеніе государева указа и боярскаго приговора по челобитью, при чемъ изложеніе указа ведется по статьямъ,

---

[1]) С. Рождественскій. Изъ исторіи отмѣны «урочныхъ лѣтъ» для сыска бѣглыхъ крестьянъ въ Московскомъ Государствѣ XVII вѣка. Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому. М. 1909, стр. 156, 157, 162.

[2]) М. Владимірскій-Будановъ. Хрестоматія по исторіи русск. права, вып. 3, изд. 4, стр. 131—140.

[3]) См., напр., Памятники для исторіи крестьянъ XIV—XIX вв. М. 1910, № 42.

которыхъ въ лучшемъ изданіи этого памятника, сдѣланномъ проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ, насчитывается десять [1]). Примѣнительно къ статьямъ сообщаемаго въ Земскій приказъ государева указа и боярскаго приговора въ памяти приведено и содержаніе челобитной 149 г. Для этого челобитная разложена также на извѣстное число статей, представляющихъ изъ себя, судя по редакціи и отдѣльнымъ выраженіямъ, довольно близкое къ подлиннику изложеніе челобитной. Иными словами, редакторъ памяти поступалъ слѣдующимъ образомъ: сначала онъ приводилъ мѣсто изъ челобитной, затѣмъ давалъ указъ по этой статьѣ челобитной: «въ челобитьѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ написано: бѣгаютъ изъ за нихъ старинные ихъ люди и крестьяне въ государевы дворцовые и въ черные волости и села, и въ боярскіе помѣстья и въ вотчины, и въ патріарши, и въ митрополичьи, и въ архіепископли, и въ епископли, и въ Троицкіе и иныхъ розныхъ монастырей, и за бояръ, и за окольничихъ, и за стольниковъ, и за стряпчихъ, и за дворянъ Московскихъ, и всякихъ чиновъ за помѣщиковъ и за вотчинниковъ, на лготы; и тѣ многіе помѣщики и вотчинники и монастыри тѣмъ ихъ бѣглымъ людемъ и крестьяномъ на пустыхъ мѣстѣхъ свободы строятъ, а ихъ помѣстья и вотчины отъ того ставятся пусты; и тѣ жъ ихъ бѣглые люди и крестьяне, выкивавъ за тѣми людми урочные годы, и надѣясь на тѣхъ силныхъ людей, гдѣ кто учнетъ жити, приходя изъ за тѣхъ людей, и досталныхъ людей и крестьянъ изъ за нихъ подговариваютъ, и домы пожигаютъ и разоряютъ всякимъ разореньемъ; да на тѣхъ же де ихъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей, хотя укрѣпити ихъ впередъ за собою, имали на нихъ ссудные записи и всякіе крѣпости въ болшихъ ссудахъ и въ займѣхъ, а иные помѣстными и вотчинными землями и всякими угодьи, и людми и крестьяны завладѣли насилствомъ. И государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи указалъ и бояре приговорили» [2])... и далѣе слѣдуетъ та статья государева указа и боярскаго приговора, которая содержитъ постановленіе о дачѣ суда на завладѣвшихъ чужими землями, угодьями, людьми и крестьянами, и запрещеніе вѣрить указаннымъ въ челобитьѣ кабаламъ и записямъ «во многой ссудѣ».

Приведемъ еще одинъ отрывокъ изслѣдуемой памяти: «въ челобитьѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, написано: которыхъ они бѣглыхъ своихъ крестьянъ за кѣмъ провѣдаютъ, а урочные лѣта тѣмъ бѣглымъ крестьяномъ, не дойдутъ, и они въ тѣхъ своихъ крестьянѣхъ суда и указу добиться не могутъ, а которые и засудясь за суднымъ дѣломъ

[1]) М. Владимірскій-Будановъ, Хрестоматія по исторіи русск. права, вып. 3, изд. 4, стр. 131—140.

[2]) Цитирую по изданію проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова.

за вершенымъ волочатся многое время; а которые де ихъ бѣглые крестьяне изъ урочныхъ лѣтъ выйдутъ, и въ тѣхъ имъ крестьянѣхъ и отъ суда урочными лѣты отказываютъ; а въ прежнихъ де годѣхъ, и при прежнихъ государѣхъ, въ тѣхъ бѣглыхъ крестьянѣхъ урочныхъ лѣтъ не выбывало; и государь бы ихъ пожаловалъ, бѣглымъ изъ за нихъ крестьяномъ урочные лѣта велѣлъ отставить, а велѣлъ бы государь тѣхъ ихъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей отдавати по помѣстнымъ ихъ и по вотчиннымъ дачамъ и писцовымъ книгамъ и по выписямъ, кто кому чѣмъ крѣпокъ, а людей также отдавати по крѣпостямъ». Далѣе слѣдуетъ соотвѣтствующая часть указа.

Изъ только что приведеннаго отрывка видна уже болѣе сложная и искусственная работа редактора. Если принять во вниманіе обычный типъ московской челобитной, которая состояла изъ двухъ частей, изъ перечисленія обидъ или жалобъ и изъ перечисленія просьбъ и пожеланій, то придется признать, что зависимость редактора отъ челобитной является менѣе значительной, чѣмъ то можетъ показаться въ первомъ изъ приведенныхъ примѣровъ. Оказывается, что редакторъ, разбивая челобитную по статьямъ, въ иныхъ случаяхъ довольствуется приведеніемъ только жалобы и послѣ этого сразу даетъ соотвѣтствующую жалобѣ часть или статью указа; въ другихъ же случаяхъ онъ отступаетъ отъ этого порядка, приводя предъ статьей указа не только жалобу, но и соотвѣтствующую просьбу. Въ послѣднихъ случаяхъ наши представленія о недошедшей до насъ челобитной полнѣе, но зато и работа редактора болѣе сложна, искусственна и требуетъ изученія челобитной.

Эти наблюденія надъ составомъ памяти изъ Разряда въ Земскій приказъ могутъ быть продолжены и далѣе. Оказывается, что пятая, шестая, седьмая и восьмая статьи (по нумераціи проф. Владимірскаго-Буданова) государева указа и боярскаго приговора не содержатъ въ себѣ соотвѣтствующихъ имъ статей изъ челобитной. По отношенію къ седьмой статьѣ это объясняется просто: данная статья представляетъ изъ себя непосредственное продолженіе шестой и, слѣдовательно, самостоятельнаго отношенія къ челобитной не имѣетъ. Труднѣе объяснить происхожденіе восьмой статьи: она можетъ имѣть самостоятельное отношеніе къ челобитной или не имѣть таковаго, будучи добавленіемъ къ статьямъ третьей и четвертой. Что же касается статей пятой и шестой, то по важности ихъ и потому, что онѣ содержатъ указъ по совершенно отдѣльнымъ фактамъ, онѣ не могли возникнуть ни самостоятельно, ни какъ логическое развитіе статей предыдущихъ. Слѣдовательно, въ основѣ ихъ, какъ и въ другихъ случаяхъ должна лежать соотвѣтствующая имъ часть или части челобитья. Разъ таковыхъ не имѣется, то мы должны признать, что память въ Земскій приказъ отъ 9 марта 150 г., содержа въ однихъ случаяхъ довольно точный пересказъ челобитной, въ другихъ

отступая отъ этой точности, при наличіи только что указанныхъ фактовъ не можетъ считаться исчерпывающимъ источникомъ для возстановленія челобитной 149 г.—память не только нарушаетъ порядокъ челобитной, но опускаетъ и отдѣльныя статьи или части ея.

Третій источникъ для изученія челобитной 149 г.—выписка изъ статейнаго списка—интересенъ только однимъ разночтеніемъ. Въ памяти въ Земскій приказъ при передачѣ челобитной читается фраза: «а которые де ихъ бѣглые крестьяне изъ урочныхъ лѣтъ выйдутъ, и въ тѣхъ имъ крестьянѣхъ и отъ суда урочными лѣты отказываютъ; а въ прежнихъ де годѣхъ, и при прежнихъ государѣхъ, въ тѣхъ бѣглыхъ крестьянѣхъ урочныхъ лѣтъ не выбывало». Въ выпискѣ изъ статейнаго списка при передачѣ челобитной эта фраза читается нѣсколько иначе: «а которые ихъ бѣглые крестьяне изъ урочныхъ лѣтъ выйдутъ, и въ тѣхъ имъ крестьянехъ и безъ суда урочными лѣты отказываютъ; а въ прежнихъ де годѣхъ и при прежнихъ государехъ въ тѣхъ бѣглыхъ крестьянехъ урочныхъ лѣтъ не бывало».

Въ заключеніе обзора источниковъ для возстановленія какъ челобитной 149 г., такъ и послѣдовавшаго по ней указа надо замѣтить, что ни одинъ изъ перечисленныхъ источниковъ не даетъ точной даты не только челобитья, но и указа. Вслѣдствіе этого была сдѣлана попытка болѣе точно датировать челобитіе 149 г., принявъ во вниманіе одну запись въ записной книгѣ Московскаго стола за 1641 г., сообщающую, что 4 августа была послана «государева грамота о челобитчикахъ, что велѣно съ Тулы отпустить челобитчиковъ, отъ города по 2 человѣка».

Отсюда вполнѣ естественнымъ является и выводъ о мѣстѣ подачи челобитной: она была подана на Москвѣ челобитчиками, присланными отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, сосредоточенныхъ на службѣ въ Тулѣ [1]).

Свѣдѣнія о челобитіяхъ 153 и 156 гг. еще болѣе скудны, чѣмъ свѣдѣнія о челобитіи 149 г. Единственнымъ источникомъ для опредѣленія содержанія, времени и обстоятельства подачи челобитія 153 г. служитъ переписчиковый наказъ 154 г., а исторія и содержаніе челобитной 156 г. разсказаны въ царской грамотѣ отъ 24 января 157 г. Звенигородскому воеводѣ кн. Богдану Мещерскому [2]). Въ томъ и другомъ случаѣ это очень краткій, далеко не исчерпывающій всего содержанія, пересказъ челобитныхъ.

Итакъ, важность изученія коллективныхъ дворянскихъ челобитныхъ вообще и челобитныхъ 145, 149, 153 и 156 г.г. въ частности, не подлежитъ сомнѣнію и въ достаточной степени уже намѣтилась въ нашей литературѣ. Однако, вслѣдствіе того, что челобитныя эти до сихъ

[1]) С. Рождественскій. Opus cit., стр. 159.
[2]) А. И. IV, № 30.

поръ оставались неизвѣстными въ печати, заключенія о нихъ дѣлались на основаніи матеріала, имѣющаго въ данномъ вопросѣ второстепенное значеніе. Матеріалъ этотъ, какъ старались мы показать, во-первыхъ, неравноцѣненъ, во-вторыхъ, не можетъ претендовать на полноту, а иногда и на точность. Вслѣдствіе этого и наши свѣдѣнія о содержаніи, обстоятельствахъ и времени подачи челобитныхъ въ лучшемъ случаѣ не полны, но иногда въ тѣхъ частяхъ, гдѣ казалось бы имѣются надежныя свѣдѣнія, неточны. Въ поискахъ новаго матеріала намъ удалось найти болѣе точныя данныя по нѣкоторымъ изъ тѣхъ челобитныхъ, о которыхъ мы говорили. Къ этому удалось добавить рядъ свѣдѣній о такихъ новыхъ челобитныхъ, о которыхъ до сихъ поръ не было никакихъ извѣстій.

Новый матеріалъ, найденный нами, въ настоящей статьѣ будетъ подвергнутъ изученію только по отношенію къ коллективной челобитной 145 г.

Къ челобитію 145 г. относится челобитная дворянъ и дѣтей боярскихъ съ помѣтой государева указа на ней [1]), память изъ Ямского приказа въ Разрядъ отъ 19 мая 146 г. о присылкѣ выписи изъ государева указа относительно того, «за сколько лѣтъ и съ которово году велено выдавать во крестьянство» [2]), память изъ Патріаршаго Разряда отъ 17 іюля 146 г. въ отвѣтъ на требованіе Разряда присылки выписи о срокѣ урочныхъ лѣтъ для бѣглыхъ крестьянъ Троице-Сергіева монастыря [3]), (черновая) отвѣтная память изъ Разряда въ Ямской приказъ отъ 13 авг. 146 г. съ сообщеніемъ указа о срокѣ урочныхъ лѣтъ для возврата бѣглыхъ крестьянъ [4]). Къ этому матеріалу надо прибавить еще память отъ 14 іюня 146 г. изъ Разряда въ приказъ Большого Дворца о выпискѣ изъ указа относительно срока исковой давности о бѣглыхъ крестьянахъ Троице-Сергіева монастыря [5]), память отъ 15 іюля 149 г. изъ Нижегородской Чети въ Разрядъ относительно выписки изъ указа о срокѣ урочныхъ лѣтъ и отвѣтъ на эту память изъ Разряда отъ 31 августа 149 г.[6])

Основнымъ документомъ здѣсь, понятно, является челобитная дворянъ и дѣтей боярскихъ. Какъ то видно изъ отвѣтной памяти Разряда въ Нижегородскую Четь отъ 31 авг. 149 г., она была подана 3 февраля 145 г. [7]). Подавали ее дворяне и дѣти боярскія замосковныхъ и

[1]) См. приложенія. № 1.
[2]) ibid. № 2.
[3]) ibid. № 3.
[4]) ibid. № 4.
[5]) А. М. Ю. Бѣлгород. ст. № 187, л. 126.
[6]) А. М. Ю. Бѣлгород. ст. № 187, л.л. 652—659.
[7]) Въ Разрядѣ сыскано въ записной книгѣ 146 г.: «въ прошломъ въ 145-мъ году февраля въ 3 день били челомъ государю царю і великому князю Михаилу Федоровичю

украинныхъ городовъ [1]), служащія «государевы службы въ украинныхъ городѣхъ съ воеводами по полкомъ безпрестанно по вся годы» [2]). Ни иноземцы, ни московскіе дворяне, ни служилые люди придворныхъ чиновъ не принимали участія въ составленіи челобитной и ея подачѣ. Не извѣстно по какой причинѣ челобитчики устранили отъ челобитія иноземцевъ [3]); что касается московскихъ дворянъ и служилыхъ людей придворныхъ чиновъ, то они не могли участвовать въ составленіи челобитной 145 г., такъ какъ эта челобитная была направлена противъ всѣхъ сильныхъ людей, въ томъ числѣ и противъ нихъ.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію содержанія челобитной 3 февраля 145 г., мы должны, однако, отмѣтить, что есть основаніе къ предположенію, что въ 145 году, до указа 20 февраля этого года, была подана не одна изслѣдуемая челобитная, а нѣсколько, можетъ быть, не менѣе двухъ. На такое предположеніе наводитъ начало изложенія печатаемой челобитной (лл. 97—102): «въ челобитныхъ дворянъ и детей боярскихъ розныхъ городовъ написано». Къ этому же ведетъ сличеніе изслѣдуемой челобитной (прил. № 1) съ памятью изъ Разряда въ Ямской приказъ отъ 13 авг. 146 г. (прил. № 4). Этотъ послѣдній документъ, постольку, поскольку онъ передаетъ изложеніе дворянской челобитной 145 г., имѣетъ въ сравненіи съ найденнымъ текстомъ челобитной существенныя разночтенія. Самое важное изъ нихъ сводится къ тому, что дворяне и дѣти боярскія просили не о полной отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ, какъ въ печатаемомъ и изслѣдуемомъ документѣ, а только объ увеличеніи ихъ срока. Спрашивается теперь, если въ 145 г. были поданы двѣ дворянскихъ челобитныхъ, то кѣмъ и когда была подана вторая. Выраженія сличаемыхъ документовъ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что та и другая челобитная исходили отъ однородныхъ группъ служилыхъ людей; что же касается времени подачи второй предполагаемой челобитной, то, судя по смягченію дворянскихъ требованій въ ней, она едва ли могла быть подана ранѣе той челобитной, которая нами теперь печатается и время подачи которой точно установлено (3 февраля).

Обращаясь къ содержанію челобитной, поданной 3 февраля, замѣчаемъ въ ней шесть пунктовъ. Вся челобитная направлена противъ

всеа Русіи дворяне и дети боярские розныхъ городовъ, а въ челобитной ихъ написано...» Далѣе идетъ изложеніе печатаемой челобитной 145 г. ibid. л. л. 653—659. Ср. А. М. И. Д. Город. кн., по Устюгу № 25.

[1]) Черновая отвѣтная память изъ Разряда въ Ямской приказъ отъ 13 августа 146 г. Прилож. № 4. Въ другихъ документахъ, относящихся къ челобитію 145 г., говорится о челобитчикахъ «розныхъ городовъ».

[2]) Челобитная 145 г. Прилож. № 1.

[3]) Акты Моск. Госуд. т. II. № 160.

сильныхъ людей, противъ властей, монастырей, митрополитовъ, архіепископовъ и «московскихъ сильныхъ людѣі всякихъ чиновъ» [1]). Челобитчики обвиняютъ сильныхъ людей въ пріемѣ бѣжавшихъ отъ нихъ крестьянъ и людей, или въ подговорѣ ихъ къ побѣгу и затѣмъ въ свозѣ крестьянъ и людей въ дальнія помѣстья и вотчины, и въ укрѣпленіи ихъ за собою.

Это: первый пунктъ челобитія. Слѣдовательно, челобитчики различали два способа побѣговъ изъ за нихъ ихъ крестьянъ и людей; побѣгъ безъ подговора, когда крестьяне и люди выбѣгали по своей инициативѣ, и побѣгъ съ подговоромъ, когда инициатива принадлежала постороннимъ землевладѣльцамъ. О томъ, какъ совершался подговоръ, челобитная 145 г. не говоритъ. Но объ этомъ дополнительныя свѣдѣнія находимъ въ челобитной 149 г. касимовскихъ, кадомскихъ, алаторскихъ мурзъ и татаръ: «а приказщики, государь, ихъ (сильныхъ людей) и люди и крестьяня людишокъ нашихъ и крестьянишокъ къ себѣ въ села и въ деревни подговариваютъ» [2]). Рядомъ съ этимъ практиковался и насильственный свозъ или вывозъ крестьянъ. Въ предисловіи къ изданному нами сыскному дѣлу по челобитію ельчанъ «всякихъ чиновъ людей» на обиды и насилія со стороны людей и крестьянъ боярина И. Н. Романова, мы уже имѣли случай указать, что у крупныхъ, привилегированныхъ землевладѣльцевъ, какимъ былъ, напр., И. Н. Романовъ, вывозъ, будучи очень распространеннымъ явленіемъ, былъ хорошо организованъ: «были спеціалисты-организаторы по вывозу; такіе спеціалисты становились во главѣ шайки человѣкъ въ 30, 40 и больше, налетали на намѣченное помѣстье, грабили, жгли, и при такой обстановкѣ захватывали и уводили крестьянъ вмѣстѣ съ ихъ семьями и «животы» [3]). Иными словами, это былъ систематически поставленный разбой, которымъ сильный человѣкъ часть чужихъ крестьянъ захватывалъ вмѣстѣ съ имуществомъ, а тѣхъ, кого не успѣвалъ или не могъ захватить, разорялъ. При существованіи крестьянскаго отказа, этотъ подрывъ благосостоянія чужихъ крестьянъ вынуждалъ послѣднихъ отказываться отъ старыхъ помѣщиковъ и переходить за сильныхъ людей [4]). Челобитная 145 г. не говоритъ о вывозѣ, но на вывозъ указано въ челобитной вологодскихъ помѣщиковъ 146 г.: «и помѣстьишка въ наши вьезжаютъ, і животишка наши и статки грабятъ и людишекъ

[1]) Челобитная 145 г. Прилож. № 1.

[2]) А. М. Ю. Владим. ст. № 62, лл. 162—164. Какъ эта челобитная, такъ и цѣлый рядъ другихъ войдутъ въ особое изданіе автора, которое подготовляется къ печати.

[3]) Е. Сташевскій, Къ исторіи колонизаціи юга. Отд. оттискъ, стр. 5—6. М. 1913.

[4]) ibid., стр. 12.

нашіхъ побиваютъ до смерти и крестьянишекъ нашихъ изъ за насъ вывозятъ насильствомъ» [1]).

Бѣжалъ ли крестьянинъ за сильнаго человѣка по собственной иниціативѣ, былъ ли подговоренъ, или насильно свезенъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ результатъ былъ одинаковъ. Бѣглые, подговоренные, свезенные крестьяне осаживались по сосѣдству въ имѣніяхъ сильныхъ людей, тѣ, «надѣючись на твоі государевы на указные годы» (въ челобитной 145 г.—5 лѣтъ), свозили такихъ крестьянъ въ свои дальнія помѣстья и вотчины; «и какъ твои государевы указные годы и выідутъ, и оне привозятъ техъ нашихъ беглыхъ крестьянъ и людишакъ въ ближние свои помѣстья и въ вотчины, которые ихъ помѣстья», писали челобитчики въ 145 г., «съ нами холопи твоими и смежно». Свозъ въ дальнія помѣстья и вотчины преслѣдовалъ здѣсь ту цѣль, чтобы прежніе владѣльцы крестьянъ въ теченіе срока урочныхъ лѣтъ не могли бы обнаружить пребыванія своихъ бѣглыхъ, подговоренныхъ и вывезенныхъ крестьянъ, такъ какъ это необнаруженіе или незнаніе ихъ мѣста нахожденія лишало прежняго владѣльца возможности вчинить искъ о возвратѣ крестьянъ. Такимъ образомъ, бѣглый крестьянинъ, не обнаруженный въ теченіе срока урочныхъ лѣтъ, пропадалъ для прежняго владѣльца, тѣмъ болѣе, что сильные люди, водворивъ чужихъ крестьянъ и людей изъ своихъ дальнихъ помѣстій и вотчинъ въ ближнія, для крѣпости брали на нихъ ссудныя записи во многихъ ссудахъ.

Это—первый пунктъ челобитія 145 г. Онъ имѣетъ непосредственное отношеніе къ урочнымъ годамъ. Погашающая давность этихъ урочныхъ лѣтъ приводитъ къ практикѣ временнаго укрывательства бѣглыхъ, подговоренныхъ, вывезенныхъ крестьянъ, вслѣдствіе чего часть бѣглыхъ крестьянъ пропадаетъ для ихъ прежнихъ владѣльцевъ, такъ какъ послѣдніе за истеченіемъ срока урочныхъ лѣтъ не могутъ вчинять иска о возвратѣ крестьянъ,—такова мысль челобитной 145 г.

Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда иски о возвратѣ бѣглыхъ крестьянъ могутъ быть возбуждены челобитчиками, то все же интересы ихъ отъ этого мало выигрываютъ. Причина тому коренится въ практикѣ московскаго суда. Остальные пять пунктовъ челобитной 145 г. и относятся какъ разъ къ этой судебной практикѣ, судебнымъ порядкамъ, московской волокитѣ. Мысль челобитчиковъ здѣсь въ достаточной степени послѣдовательна. Они жалуются на поклепные иски, вчиняемые сильными людьми, на неудобный для челобитчиковъ срокъ суда въ дѣлахъ съ монастырями и государевыми властями, на уклоненіе сильныхъ людей отъ отвѣта по судебнымъ разбирательствамъ, или на намѣренное затягиваніе судебнаго процесса, на обвиненіе челобитчиковъ сроками и на практику несудимыхъ грамотъ. Всѣ эти судебные непорядки, на которые жалуются челобитчики, имѣютъ отношеніе вообще ко всѣмъ суднымъ дѣламъ, начинаемымъ челобитчиками, а не только къ искамъ о возвратѣ крестьянъ и людей.

[1]) А. М. Ю. Владим. ст. № 62, л. 112.

На первомъ мѣстѣ здѣсь надо поставить практику несудимыхъ грамотъ и поклепные иски. Хорошо извѣстно, что предѣлы вѣдомства областного, городского, воеводскаго суда были тѣсно ограничены. Это ограниченіе въ дѣлахъ гражданскихъ достигалось стѣсненіемъ «городской юрисдикціи извѣстною денежною суммою», выше которой воевода не имѣлъ права судить. Дѣла на бо́льшія суммы подлежали вѣдѣнію приказа. Кромѣ того, въ дѣлахъ гражданскихъ и въ менѣе значительныхъ, за исключеніемъ обычно душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ, уголовныхъ правомъ привилегированной подсудности, правомъ не подлежать мѣстному суду вообще, а вѣдаться судомъ приказа обладали духовенство, архіерейскіе, монастырскіе слуги и крестьяне, по особымъ грамотамъ служилые люди, преимущественно высшихъ чиновъ, и ихъ люди и крестьяне, гости, гостинная и суконная сотня, иностранные купцы, иноземцы, поступившіе на русскую военную службу, и ихъ крестьяне, стрѣльцы и казаки и т. д.

Размѣры этой судебной привилегіи были неодинаковы и устанавливались жалованными несудимыми грамотами или общими распоряженіями правительства [1]). Устанавливаемая за изъятіемъ отъ вѣдомства воеводскаго суда зависимость отъ приказовъ тоже была различна. Напр., монастыри, говоритъ Дмитріевъ, «одни пользовались только правомъ отвѣчать въ приказѣ, а сами искали передъ судьями отвѣтчиковъ; другіе, напротивъ, и искали и отвѣчали только въ приказахъ» [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ надо отмѣтить, что ограниченіе областной юрисдикціи «извѣстною денежною суммою разсматривалось болѣе какъ запрещеніе давать судъ выше этой цѣнности, чѣмъ въ смыслѣ требованія закона, чтобъ въ предѣлахъ этой суммы иски предъявлялись непремѣнно воеводѣ» [3]). Въ зависимости отъ этого предѣлы вѣдомства областного суда могли сокращаться еще болѣе, и все дѣло сводилось въ концѣ концовъ къ тому, было ли выгодно для истца или отвѣтчика подчиняться областному суду, или, напротивъ, уклоняясь отъ этого суда, обращаться къ суду приказа. Въ извѣстныхъ случаяхъ судъ приказа могъ казаться предпочтительнѣе суда воеводы, напр., въ дѣлахъ по жалобамъ на административныя распоряженія [4]);

[1]) Ѳ. Дмитріевъ, Исторія судебныхъ инстанцій, М. 1859, стр. 80 — 81, 91 и слѣд.
[2]) Ibid., стр. 100.
[3]) Ibid., стр. 158.
[4]) Ibid., стр. 159.

но въ большинствѣ случаевъ для большинства непривилегированнаго населенія воеводскій судъ считался предпочтительнѣе суда приказа. Повидимому, онъ былъ дешевле и не такъ продолжителенъ. Вотъ почему въ теченіе первой половины XVII в. наблюдается стремленіе хотя бы посадскаго населенія добиться права судиться во всѣхъ дѣлахъ на мѣстѣ. Такимъ правомъ издавна пользовался Новгородъ, въ 1633 г. этого права послѣ продолжительной борьбы добился Псковъ, «такая же привилегія дана была потомъ Суздальцамъ» [1]). На точкѣ зрѣнія предпочтительности областного суда стоятъ и провинціальные дворяне-челобитчики 145 г. Этимъ объясняются двѣ статьи въ ихъ челобитной: статья о поклепныхъ искахъ и о несудимыхъ грамотахъ.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ объ областномъ—мѣстномъ и центральномъ—приказномъ судѣ стоитъ вопросъ и о судебныхъ срокахъ. Въ дѣлахъ, гдѣ отвѣтчиками являлись иммунисты, первоначально судные сроки по иммунитетнымъ грамотамъ были очень различны. Уложеніе, изслѣдованное нами, и начавшее создаваться съ 1619 г., уничтожило это разнообразіе, установивъ для большинства иммунистовъ три общихъ срока для суда по отвѣтамъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти сроки распространялись и на иски, но судъ по иммунитетнымъ грамотамъ попрежнему давался на Москвѣ, въ приказахъ. Исключенію изъ этого порядка подлежали, повидимому, только дѣла о душегубствѣ, разбоѣ и татьбѣ съ поличнымъ, когда судъ давался безсрочно, и наиболѣе отдаленные отъ Москвы вотчинники-иммунисты, для которыхъ судъ давался въ самомъ крупномъ городѣ ихъ области [2]). Три общихъ указныхъ срока были—Троицынъ день, Семенъ день и Рождество Христово. Эта фиксація общихъ сроковъ, хотя бы только для отвѣта по искамъ къ иммунистамъ, а также вызовъ тяжущихся на Москву въ приказы,—эти мѣры были крайне невыгодны для служилыхъ людей, что также отмѣчаетъ челобитная дворянъ и дѣтей боярскихъ въ 145 г. «На твоі государевы власти і на монастыри», читается въ челобитной 145 г., «даютъ намъ, холопемъ твоимъ, судъ на Москвѣ въ годъ на три срока, на Троицынъ день, на Семенъ день, на Рожество Христово, а въ тое пору мы, холопі твоі, на те сроки бываемъ: на Троицынъ день да на Семенъ день на твоеі государеве службѣ, а на Рожество Христово мы, холопи твои, за своими бедностьми и за дальными проезды на тотъ срокъ пріѣзжать не успеваемъ за разореньемъ отъ сильныхъ людѣі, и по многие, государь, годы на Рожество Христово і путь не ставитца».

[1]) Ibid., стр. 159.

[2]) Е. Сташевскій, Очерки по исторіи царствованія Михаила Ѳеодоровича, ч. I. Кіевъ 1913 г., стр. 300—332.

Если принять во вниманіе обычный въ годы подачи челобитной 145 г. порядокъ отбыванія береговой службы дворянами и дѣтьми боярскими замосковныхъ и украйныхъ городовъ, то приведенное заявленіе челобитчиковъ надо признать въ значительной степени соотвѣтствующимъ дѣйствительности: наряженная на службу половина дворянъ и дѣтей боярскихъ замосковныхъ городовъ по условіямъ службы не могла воспользоваться для явки на судъ ни Троицынымъ днемъ, ни Семеновымъ днемъ; нѣсколько лучше обстояло дѣло для дворянства украинныхъ городовъ: такъ какъ дворяне украинныхъ городовъ на береговой службѣ смѣнялись по половинамъ среди лѣта, 1 іюля, то для первой половины оставался кромѣ Рождественскаго срока еще Семенъ день, а для второй—Троицынъ день. Но такъ было только тогда, когда не было «вѣстей». Въ случаѣ «вѣстей про большихъ воинскихъ людей» на службу наряжались обѣ половины (изъ замосковныхъ и изъ украинныхъ городовъ). Повидимому, такіе случаи и имѣютъ въ виду челобитчики.

Таково было неудобство трехъ указныхъ сроковъ для дворянъ и дѣтей боярскихъ замосковныхъ и украинныхъ городовъ, несущихъ ежегодную береговую службу: они не могли или не успѣвали ставиться къ суду на указанные имъ сроки. Каковы же были послѣдствія такой неявки отвѣтчиковъ по закону?

«Въ случаѣ неявки отвѣтчика по выдачѣ поручной, по Судебнику, онъ подлежалъ обвиненію, какъ скоро оканчивался назначенный ему срокъ. Единственная для него милость закона состояла въ томъ, что обвиняли не въ самый срокъ, а по прошествіи еще послѣ него поверстнаго срока, полагая на сто верстъ по семи дней. Срокъ можно было отписать, т. е. отсрочить, или явясь лично, или прославъ повѣреннаго. По Судебнику и слѣдующимъ за нимъ узаконеніямъ отсрочка допускалась только въ томъ случаѣ, когда одинъ изъ тяжущихся или оба они должны были ѣхать на государеву службу: тогда недѣли за двѣ или за три они должны были прислать отписать срокъ, что въ этомъ случаѣ и дѣлалось для нихъ безпошлинно. Срокъ для военныхъ людей обыкновенно назначался въ то время, «какъ воеводы съ конь сядутъ, мѣсяцъ спустя» [1]). Эти строгія постановленія были отчасти смягчены впослѣдствіи. Указомъ 31 января 136 г. «не велѣно винить неявкою и тогда, когда по миновеніи льготнаго мѣсяца послѣ службы, тяжущіеся къ суду не станутъ: вмѣсто этого посылались государевы зазывныя грамоты» [2]), и только неявка на третій срокъ влекла за собою обвиненіе. По указу 17 ноября 137 г. по миновеніи льготнаго мѣсяца служилые люди дальнихъ горо-

[1]) Ѳ. Дмитріевъ, Opus cit., стр. 208.

[2]) Ibid., стр. 208 и М. Владимірскій-Будановъ, Хрестоматія по исторіи русск. пр., вып. 3, изд. 4, стр. 112.

довъ получали послѣ «отсрочнаго срока» еще «поверстной срокъ» [1]). Слѣдовательно, законодательство въ значительной степени ограждало интересы тѣхъ служилыхъ людей, которые по условіямъ службы не могли ставиться на указные сроки; въ этихъ смягченіяхъ послѣдствій неявки вмѣстѣ съ тѣмъ сказывалось все менѣе и менѣе формальное отношеніе къ судебному процессу и дѣламъ. Между тѣмъ челобитная 145 г. содержитъ въ себѣ противорѣчащее этому выводу заявленіе дворянъ и дѣтей боярскихъ. Челобитчики говорятъ: «и мы, холопи твои, съ московские волокиты въ конецъ погібли, и винятъ насъ, холопѣі твоихъ, не по суднымъ дѣламъ, сроками, которые не успеваютъ за бедностьми своими и за разореньемъ и за дальнымъ путемъ отъ сильныхъ людѣі ставитца на сроки къ суднымъ дѣламъ..., и крестьянъ нашихъ и людишекъ мимо судныхъ делъ и писцовыхъ книгъ и вынесѣі нашихъ отдаютъ имъ» (сильнымъ людямъ).

Объясненіе этому противорѣчію надо искать въ несоотвѣтствіи указовъ приказной дѣйствительности. Это несоотвѣтствіе въ общихъ чертахъ извѣстно, поэтому для его иллюстраціи мы ограничимся всего лишь однимъ примѣромъ.

Въ годъ подачи разсматриваемой челобитной, т. е. въ 145 г., 31 января бояринъ кн. Б. М. Лыковъ «приставилъ» къ Ивану Арцыбашеву по женѣ, сынѣ, племяннинкѣ А. Загуды, называя Офонку Загуду своимъ крестьяниномъ. Вмѣстѣ съ женой, сыномъ, племянникомъ Загуды Лыковъ искалъ на Арцыбашевѣ и животовъ ихъ на 15½ р. По словамъ же отвѣтчика, Арцыбашева, «Ооонка не живалъ за бояриномъ, за княземъ Борисемъ Михайловичемъ ни одпова дня до техъ мѣстъ, какъ побежалъ» отъ Арцыбашева. Былъ Загуда человѣкомъ Арцыбашева, бѣжалъ отъ него въ 144 г. и въ томъ же году «умысля пришелъ въ ночи» подъ «дворишко» своего владѣльца и «дворишко выжегъ со всѣми животишки, разорилъ безъ остатка и людишка погорѣли». Послѣ чего Загуда поселился за бояриномъ кн. Б. М. Лыковымъ. Дѣло противъ Арцыбашева Лыковъ вчинилъ въ Московскомъ Судномъ приказѣ и, повидимому, сознавая свою неправоту, рѣшилъ взять противника проволочкой: приставя къ Арцыбашеву 31 января «апрѣля по 23 число искать не велѣлъ». Несмотря на то, что для пресѣченія такихъ злоупотребленій были изданы указы 136 и 137 гг., по которымъ велѣно винить истца, который, приставя, не станетъ искать цѣлую недѣлю [2]), Лыковъ выигралъ процессъ. «И я, холопъ твой», писалъ въ своей челобитной Арцыбашевъ, «безпрестанно тебѣ государю би-

[1]) М. Владимірскій-Будановъ, Opus cit., стр. 119.
[2]) М. Владимірскій-Будановъ, Opus cit., стр. 112—113, 122.

валъ челомъ въ судномъ московскомъ приказе словомъ и челобитные подписывалъ, что, приставя ко мне, холопу твоему, бояринъ князь Борисъ Михайловичъ искать не велитъ, и отдавалъ тѣ челобитные приставу Дмитрею Давыдову къ приставной памяти, къ поручной записи; потому, государь, отдавалъ тѣ челобитные приставу къ приставной памяти і къ порушной записи, что на челобитной помѣта—взять къ приставной памяти; а на иной челобитной поставилъ человека къ суду». Но все оказалось напраснымъ. Между тѣмъ въ мартѣ мѣсяцѣ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ очередныхъ половинъ была сказана береговая служба, попалъ на нее въ Дѣдиловъ и Арцыбашевъ. На службу было велѣно стать 1 мая. По обычаю Арцыбашевъ возбудилъ ходатайство объ отсрочкѣ для службы его дѣла съ Лыковымъ и съ этой цѣлью подалъ двѣ челобитныя, которыя и получили удовлетвореніе. По первой челобитной въ Московскомъ Судномъ приказѣ у него не взяли, а взяли лишь вторую отсрочную челобитную отъ 24 апрѣля. Однако, и по этой челобитной Арцыбашевъ не получилъ отсрочки, такъ какъ былъ обвиненъ еще 23 апрѣля. Намъ неизвѣстенъ этотъ обвинительный приговоръ, но, повидимому, онъ былъ подложенъ и подлогъ заключался въ слѣдующемъ.

Радѣя истцу, боярину Лыкову, дьяки Московскаго Суднаго приказа Григорій Теряевъ и Ѳедоръ Кенаковъ «сеставили» все дѣло. Принявъ вторую отсрочную челобитную Арцыбашева, въ мѣсяцѣ маѣ дьяки составили память для вызова на судъ Арцыбашева, эту память они помѣтили заднимъ числомъ, 22 апрѣля, и отдали ее не тому приставу, у котораго была по Арцыбашевѣ приставная память и поручная запись, т. е. не Д. Давыдову, а другому приставу, Ѳедору Кошкину, человѣку совершенно новому въ дѣлѣ и не знавшему Арцыбашева. «И приставъ, государь, Ѳедоръ», писалъ Арцыбашевъ, «принесъ сказку въ Судный Московскій приказъ, что меня, холопа твоего, и порутчиковъ моихъ не сыскалъ». Эту сказку Ѳедоръ помѣтилъ 23 апрѣля. «И котораго, государь, числа написано въ скаске, того числа и приговоръ написанъ». Тогда стало возможнымъ приложить къ дѣлу и отсрочную челобитную Арцыбашева отъ 24 апрѣля. Слѣдовательно, можно думать, что Арцыбашевъ обвиненъ по формальнымъ основаніямъ, обвиненъ съѣздомъ съ Москвы, но обвинительный приговоръ составленъ въ маѣ и только датированъ заднимъ числомъ такъ, чтобы принятая въ приказѣ отсрочная челобитная отвѣтчика не могла уже оказать вліянія на отсрочку процесса.

Несмотря на то, что въ судѣ для обвиненія Арцыбашева искали только формальныхъ основаній и съ этой цѣлью прибѣгли къ подлогу, несмотря на это, и этотъ подложный приговоръ не свободенъ отъ формальныхъ погрѣшностей. «Умыслили дьяки», писалъ Арцыбашевъ,

«обвинили до сроку, какъ указано стать на твоеі государеве службѣ, денъ за шесть; а по твоему государеву уложенью и по боярскому приговору отвѣтчиковъ указано винить, а допрашивать порутчиковъ или братья или дворниковъ, и будетъ, государь, порутчикъ или дворникъ, или братъ скажутъ и скаску ихъ запишутъ въ приказе, что съехалъ съ Москвы, и после, государь, ихъ скаски будетъ хто отвѣтчикъ станетъ въ приказе на тотъ день, или на другоі, или на третей день, и тѣхъ по твоему государеву уложенью и по боярскому приговору винить не велено». Между тѣмъ «ложная память» приставу помѣчена 22 апрѣля, а приговоръ—23 апрѣля. Въ эти дни на Москвѣ были не только порутчики Арцыбашева, но и самъ Арцыбашевъ, однако этотъ фактъ при наличіи указаннаго подлога не важенъ.

Считая себя обвиненнымъ «безъ суда и безъ сыску, по умыслу дьяковъ Григорья Теряева да Ѳедора Конакова и по ложной скаске пристава Ѳедора Кошкина», Арцыбашевъ просилъ о переносѣ его дѣла въ иной приказъ. Челобитіе его было уважено, «и по государеву указу велено то дѣло взять окольничему князю Ондрѣю Ѳедоровичю Литвинову-Мосальскому, да дьякомъ Степану Уготскому да Саве Самсонову». 19 мая новые судьи затребовали изъ Московскаго Суднаго приказа присылки приставной памяти и порутчной записи по Арцыбашевѣ. Приказъ не присылалъ этихъ документовъ болѣе 4 недѣль: «а потому, государь, дѣла изъ судного приказу не присылали многое время, умышляли и составливали въ тое пору, чѣмъ бы меня, холопа твоего, обвинить не противъ твоего государева указу». Между тѣмъ Арцыбашевъ долженъ былъ отправиться на службу и дѣло было отсрочено. Новый разборъ его начался 7 января 146 г., начался съ допроса приставовъ Давыдова и Кошкина. Давыдова допрашивали о челобитныхъ Арцыбашева, « и въ челобитныхъ Дмитреі Давыдовъ запеся по велѣнью дьяковъ Григорья Теряева да Ѳедора Конакова». Кошкина допрашивали о памяти. Онъ сказалъ, что посылалъ сыскивать Арцыбашева и его порутчиковъ недѣлю и болѣе, между тѣмъ «ложная» память о сыскѣ ему помѣчена 22 апрѣля, а его «ложная» сказка объ исполненіи порученія помѣчена 23 апрѣля. Тогда судьи отложили допросъ Кошкина, а при вторичномъ допросѣ онъ уже сказалъ, «что посыланъ де я словомъ, безъ памяти». Ложь его показаній, такимъ образомъ, была ясна. Что же дѣлаютъ судьи? «И окольничей, государь, князь Ондрѣй Ѳедоровичъ Литвиновъ-Мосальскій велѣлъ первой распросъ приставовъ отъ дѣла отодрать, потому что у него у пристава Ѳедора двои рѣчи, а розпили, чтобъ меня, холопа твоего, обвинить по той же ложной скаске».

Дѣло было выписано въ докладъ, причемъ въ докладѣ былъ приведенъ, правда необходимый при разбирательствѣ, но въ дѣйствительности не имѣвшій мѣста фактъ: «да окольничеі же, государь, князь

Ондрей Ѳедоровичъ тебѣ, государю, докладывалъ», писалъ Арцыбашевъ, «что ставилъ со мною, холопомъ твоимъ, приставовъ съ очей на очи; и со мною, государь, приставовъ съ очей на очи не ставили, допрашивалъ приставовъ, а меня, холопа твоего, выслалъ вонъ изъ за решотки; а стряпчеі боярина князя Бориса Михайловича въ тѣ поры былъ тутъ же, какъ окольничеі допрашивалъ приставовъ, и ево не велѣлъ выслать». По новому приговору Арцыбашевъ былъ снова обвиненъ. Тогда онъ опять возбудилъ челобитье о переносѣ дѣла. Дѣло было велѣно взять и по дѣлу доложить государя думному дьяку Ивану Гавреневу. Гавреневъ, однако, отказывался отъ доклада, говоря Арцыбашеву: «бей де челомъ на меня государю, чтобъ государь указалъ доложить себя, государя, мимо меня, а я де не стану изъ за тебя остужатца съ бояриномъ съ княземъ Борисомъ Михайловичемъ, что де мнѣ боярина обвинить, а тебя оправить»[1]).

Таковы порядки московскаго суда и таково соотвѣтствіе приказной дѣйствительности государевымъ указамъ. Естественно, что приказной судъ у людей непривилегированныхъ вызывалъ только осужденіе. Съ сильными людьми на Москвѣ судиться нельзя, такова мысль и челобитчиковъ 145 г., хотя описаніе ими приказного суда и не столь ярко, какъ то же описаніе въ челобитныхъ 149 г. Челобитчики 145 г., указывая на неправый московскій судъ, склонны винить въ немъ и приказныхъ судей и сильныхъ людей. Указавъ на обвиненіе ихъ сроками, челобитчики говорятъ: «а даютъ намъ, холопемъ твоимъ, твоі государевы грамоты по беглыхъ нашихъ крестьянъ и людишокъ и въ обидахъ нашихъ, и оне учиняютца сильны; на поруки не даютца і къ отвѣту беглыхъ нашихъ крестьянъ и людишокъ на срокъ, на Рожество Христово, не ставятъ и волочатъ насъ, холопѣі твоихъ, московскою волокитаю, надѣясь на твои государевы указные годы, на пять лѣтъ, а въ пять лѣтъ мы, холопи твои, техъ своихъ беглыхъ крестьянишакъ и людишокъ за твоею государевою безпрестанною службою и за московскою волокитаю і провѣдать не можемъ, а на нихъ не можемъ и суда добитца; а хто и судъ добъетца, и мы, холопи твоі, волочимся за судными дѣлами на Москвѣ въ приказе лѣтъ по пяті и по десяти и больши, и по темъ суднымъ дѣламъ намъ, холопемъ твоимъ, указу нѣтъ».

Есть еще одинъ очень интересный намекъ въ челобитной 145 г. Челобитчики въ только что приведенной выпискѣ изъ ихъ челобитной говорятъ, что сильные люди къ отвѣту по искамъ къ нимъ въ бѣглыхъ крестьянахъ (и людишкахъ?) не ставятся и на поруки не даются, надѣясь на указные годы. Это мѣсто можетъ быть сопоставлено съ другой фразой челобитной: «а которые успеваютъ ставитца на сроки, и темъ по суднымъ

[1]) А. М. Ю. Приказн. ст. № 114, л. л. 9—110; челобитная Арцыбашева съ изложеніемъ хода дѣла л.л. 98—104.

деламъ указу нетъ, волочимся лѣтъ по дѣсяті и больши, а въ те поры оне крестьянишками и людишками нашеми владеютъ, а беглые наши крестьяне изъ лѣтъ выходятъ». Если челобитчики чего либо здѣсь не попутали, то выходитъ, что теченіе давности прерывается не началомъ процесса, а его окончаніемъ. Что такое толкованіе урочныхъ лѣтъ было возможно и встрѣчалось на практикѣ, объ этомъ мы уже писали раньше [1]).

Таково содержаніе той части челобитной 145 г., которая содержитъ въ себѣ изложеніе жалобъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Итакъ, они недовольны существованіемъ урочныхъ лѣтъ и порядками приказного суда. Въ соотвѣтствіи съ этимъ находятся и ихъ требованія—просьбы. Прежде всего они просятъ отмѣнить урочные годы и бѣглыхъ крестьянъ и людей «отдавать по писцовымъ и по отдѣльнымъ книгамъ и по выписемъ и по нашимъ крепостямъ» [2]). Затѣмъ они просятъ давать имъ судъ «на власти и на монастыри и на московскихъ всякихъ чиновъ людѣі въ бѣглыхъ крестьянехъ и въ людишкахъ і въ обидахъ» во-первыхъ, не на Москвѣ, а въ городахъ, во-вторыхъ, не въ указные сроки, а безсрочно, «въ кою, государь, пору намъ, холопемъ твоимъ, мочно на нихъ тебѣ государю бить челомъ, какъ намъ, холопемъ твоимъ, твоеі государевы службы нетъ». И, что важнѣе всего, челобитчики просятъ о новой организаціи этого городского суда: «і вели, государь, выбрать въ городѣхъ изъ дворянъ и изъ земскихъ людѣі, і вели, государь, насъ, холопѣі своихъ, судить въ городехъ по своему государеву указу, по своеі государеве уложенной судебной книге». Этотъ новый судъ можетъ быть названъ выборнымъ областнымъ судомъ. Что касается несудимыхъ грамотъ, то при наличіи указанныхъ требованій, ихъ отмѣна подразумѣвается сама собою.

Государевъ указъ по этому челобитію состоялся 20 февраля 145 г.: государь пожаловалъ челобитчиковъ «для ихъ службъ... велѣлъ въ бѣглыхъ крестьянехъ суд(ить) ихъ, будетъ доведетца, по сыску і по книгамъ, за сколько лѣтъ даютъ въ Троицкомъ Сергіеве монастырѣ; і о томъ писать памяти по приказомъ, а о указныхъ лѣтехъ справитца въ

[1]) Очерки по исторіи царствованія Мих. Ѳед. ч. I., стр. 226—228.

[2]) По изложенію челобитной въ памяти отъ 13 авг., 146 г. изъ Разряда въ Ямской приказъ, дворяне въ 145 г. просили не о полной отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ, а только объ ихъ прибавкѣ. Если это указаніе черновой памятки въ Ямской приказъ заслуживаетъ довѣрія, то это указаніе надо толковать въ томъ смыслѣ, о которомъ мы говорили раньше: въ 145 г., въ февралѣ мѣсяцѣ была подана не одна дворянская челобитная, а по крайней мѣрѣ двѣ. При наличіи такого предположенія изслѣдованная нами челобитная можетъ быть названа первою или раннею, такъ какъ она содержитъ въ себѣ болѣе радикальное требованіе, чѣмъ челобитная, которую имѣетъ въ виду черновая память 13 августа. Итакъ, возможно, что дворяне и дѣти боярскія были вынуждены измѣнить свои радикальныя требованія въ вопросѣ объ урочныхъ годахъ.

Дворцѣ і на Патріаршемъ дворѣ, какъ ихъ вѣдали судомъ блаженной памяти прі великомъ государе, святѣйшемъ патріархе Ѳиларетѣ Никитиче Московскомъ і всеа Русіі». Такимъ образомъ, ни одно изъ пожеланій челобитчиковъ не было уважено: судебные непорядки, на которые жаловались челобитчики, несудимыя грамоты, приказной судъ, указные сроки для вызова отвѣтчиковъ совсѣмъ не были затронуты указомъ, здѣсь все осталось по старинѣ; указъ касался только урочныхъ лѣтъ, но и здѣсь челобитчики не получили удовлетворенія: они просили о полной отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ, указъ же давалъ имъ уравненіе въ урочныхъ годахъ съ Троице-Сергіевымъ монастыремъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе еще на то, что указъ объ этомъ уравненіи не содержалъ въ себѣ точныхъ свѣдѣній о срокѣ урочныхъ лѣтъ—объ этомъ было велѣно справиться въ Дворцѣ и на Патріаршемъ Дворѣ. Однако, эти справки были наведены лишь въ іюнѣ 146 г., т. е. спустя болѣе года послѣ указа 20 февраля 145 г. Возможно предположить [1]), что побудительнымъ мотивомъ къ наведенію справокъ послужила память изъ Ямского приказа въ Разрядъ отъ 19 мая 146 г. о присылкѣ выписи изъ государева указа относительно того, «за сколько лѣтъ и съ которово году велено выдавать во крестьянство». Получивъ эту память, Разрядъ посылаетъ запросы въ приказъ Большого Дворца и въ Патріаршій Разрядъ. Отвѣтная память изъ послѣдняго датирована 17 іюля 146 г. На этой памяти имѣется помѣта съ изложеніемъ государева указа отъ 19 іюля 146 г. о посылкѣ памятей «про лѣта» во всѣ приказы. Черновикъ одной изъ такихъ памятей, именно въ Ямской приказъ, датированъ 13 августа 146 г. Такимъ образомъ, вскрывается въ высшей степени любопытное промедленіе въ исполненіи государева указа отъ 20 февраля 145 г.

Итакъ, челобитная провинціальныхъ дворянъ украинныхъ и замосковныхъ городовъ въ 145 г. увѣнчалась сравнительно небольшимъ успѣхомъ. Въ общемъ, пожеланія дворянства не были удовлетворены. Такой результатъ челобитнэй, однако, не остановилъ дворянства; агитація за полную отмѣну урочныхъ лѣтъ и за преобразованіе судебныхъ порядковъ продолжалась съ той только разницей, что въ послѣдующихъ извѣстныхъ намъ челобитныхъ челобитчики нигдѣ уже не поднимаются до идеи выборного, областного суда, хотя при наличіи печатныхъ [2]) и извѣстныхъ намъ архивныхъ данныхъ строить на этомъ основаніи выводы преждевременно.

Е. Сташевскій.

[1]) См. черновую отвѣтную память изъ Разряда въ Ямской приказъ отъ 13 авг. 146 г.

[2]) Извѣстная фраза объ областномъ судѣ, читаемая въ актѣ Земскаго собора 1642 г., выражаетъ пожеланіе торговыхъ людей и распространеніе ея на людей служилыхъ является произвольнымъ. Поэтому, этотъ документъ и не привлеченъ нами въ статьѣ, касавшейся дворянскихъ челобитныхъ. С. Г. Г. и Д., III, № 113.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Челобитная дворянъ и дѣтей боярскихъ 3 февраля 145 года.

(Были они на государеве службе подъ Смоленскомъ, а ныне служатъ государевы службы въ украинныхъ городѣхъ съ воеводами по полкомъ безпрестанно по вся годы, и изъ ихъ помѣстей и изъ вотчинъ крестьяне ихъ выходятъ) [1]) за власти и за монастыри и за митрополиты и за архиепискупы и за московскихъ сильныхъ людѣі всякихъ чиновъ, и свозятъ бѣглыхъ крестьянишакъ нашихъ въ дальние свои помѣстья і въ вотчины, надѣючись на твоі государевы на указные годы, на пять лѣтъ, и какъ твои государевы указные годы и выідутъ, и оне привозятъ техъ нашихъ беглыхъ крестьянъ и людишакъ въ ближние свои помѣстья и въ вотчины, которые ихъ помѣстья съ нами, холопи твоими, и смежно, и емлютъ на нихъ ссудные записі во многихъ ссудахъ, и достальныхъ нашихъ крестьянишакъ исъ твоеве государева жалованья, изъ нашихъ помѣстѣі и вотчинъ подговариваютъ. І обида и продажа великая намъ, холопемъ твоимъ, отъ нихъ въ ыхъ большихъ поклепныхъ искехъ— емлютъ по насъ, холопѣі твоихъ, і по нашихъ людишакъ и крестьянишакъ твои государевы зазывные грамоты, надѣясь на жеребѣі, что съ нихъ твоихъ государевыхъ пошлинъ нетъ [2]), и насъ, холопей твоихъ, и людишакъ и крестьянишакъ продаютъ напрасно. И, волоча насъ, холопѣі твоихъ, московскою волокитаю, на твоі государевы власти і на монастыри даютъ намъ, холопемъ твоимъ, судъ на Москвѣ въ годъ на три срока, на Троицынъ день, на Семенъ день, на Рожество Христово, а въ тое пору мы, холопі твоі, на те сроки бываемъ: на Троицынъ день да на Семенъ день на твоеі государеве службѣ, а на Рожество Христово мы, холопи твои, за своимі бедностьми и за дальными проезды

[1]) Начала челобитной нѣтъ. Возстанавливаемъ его по изложенію челобитной на лл. 97—102. Возстановленное заключено въ скобки.

[2]) Въ изложеніи челобитной на л. 98: «что съ нихъ государевыхъ пошлинъ съ ихъ исковъ не емлютъ».

на тотъ срокъ приезжать не успеваемъ за разореньемъ отъ сильныхъ людеі, и по многие, государь, годы на Рожество Христово і путь не ставитца. А даютъ намъ, холопемъ твоимъ, твоі государевы грамоты по беглыхъ нашихъ крестьянъ и людишакъ и въ обидахъ нашихъ, и оне учиняютца сильны, на поруки не даютца і къ отвѣту беглыхъ нашихъ крестьянъ и людишокъ на срокъ, на Рожество Христово, не ставятъ и волочатъ насъ, холопѣі твоихъ, московскою волокитаю, надѣясь на твои государевы указные годы, на пять лѣтъ, а въ пять лѣтъ мы, холопи твои, техъ своихъ беглыхъ крестьянишакъ и людишокъ за твоею государевою безпрестанною службою и за московскою волокитаю і провѣдать не можемъ, а на нихъ не можемъ и суда добитца; а хто и судъ добъетца, и мы, холопи твоі, волочимся за судными дѣлами на Москвѣ въ приказе лѣтъ по пяті и по дѣсяти и больши, и по темъ суднымъ дѣламъ намъ, холопемъ твоимъ, указу нѣтъ; и мы, холопи твои, съ московские волокиты въ конецъ погібли. И винятъ насъ, холопѣі твоихъ, не по суднымъ дѣламъ, сроками: которые не успеваютъ за бедностьми своимі и за разореньемъ [1]) и за дальнымъ путемъ отъ сильныхъ людѣі ставитца на сроки къ суднымъ дѣламъ, не успеваемъ, и крестьянъ нашихъ и людишокъ мимо судныхъ делъ и писцовыхъ книгъ и выписѣі нашихъ отдаютъ имъ; а которые успеваютъ ставитца на сроки, и темъ по суднымъ деламъ указу нетъ, волочимся лѣтъ по дѣсяті и больши, а въ те поры оне крестьянишками и людишками нашеми владеютъ, а беглые наши крестьяне изъ лѣтъ выходятъ. А мы, холопи твои, съ московскіе волокиты въ конецъ погибаемъ, и домишка наши опустелі; и достальные наши крестьянишка и людишка изъ за насъ, холопѣі твоихъ, выходятъ за московскихъ сильныхъ людѣі и за всякихъ чиновъ и за власти и за монастыри; а въ городы намъ, холопемъ твоимъ, на власти и на монастыри і на московскихъ на сильныхъ людѣі всякихъ чиновъ судовъ не даютъ, надѣютца оне на твои государевы несудимые грамоты и на урочные годы, на пять лѣтъ, а мы, холопи твои, бываемъ на твоихъ государевыхъ службахъ безпрестанно.

Милосердый государь, царь і великиі князь Михаило Ѳедоровичъ всеа Руснi, пожалуй насъ, холопѣі своихъ, за прежнюю нашу службишку и за кровь и для нашеі бедности і розоренья и для своихъ государьскихъ службъ безпрестанныхъ вѣчнымъ своимъ государьскимъ жалованьемъ, какъ было при прежнихъ государехъ, и твой государевъ указъ: вели, государь, те урочные годы, пять лѣтъ, отставить, а крестьянъ беглыхъ нашихъ і людишекъ вели, государь, намъ, холопямъ своимъ, отдавать по писцовымъ и по отдѣльнымъ книгамъ и по выписемъ и по нашимъ крепостямъ, чтобъ наши помѣстецца і вотчины не запустелі и достальные

[1]) Въ изложеніи челобитной на л. 100: «і отъ сильныхъ людей за розореньемъ»

ные бъ крестьянишка и людишка изъ за насъ, холопей твоихъ, не вышли, и чтобъ мы, холопи твоі, служа твою государеву беспрестанную службу съ пуста и платя твои государевы всякие податі, въ конецъ не погиблі; і вели, государь, на власти и на монастыри и на московскихъ всякихъ чиновъ людѣі въ нашихъ бѣглыхъ крестьянехъ и въ людишкахъ і въ обидахъ давать намъ, холопемъ своимъ, на нихъ и на ихъ прикащиковъ и на крестьянъ судъ въ городѣхъ, въ кою, государь, пору намъ, холопемъ твоимъ, мочно на нихъ тебѣ, государю, бить челомъ, какъ намъ, холопемъ твоимъ, твоеі государевы службы нетъ; і вели, государь, выбрать въ городѣхъ изъ дворянъ и изъ земскихъ людѣі і вели, государь, насъ, холопѣі своихъ, судить въ городехъ по своему государеву указу, по своеі государеве уложенной судебной книге, для нашеі бѣдности и розоренья и для дальново пути и для московские волокиты и проести, чтобы тебѣ, государю, отъ насъ, холопеі твоихъ, дакуки не было, а мы бъ, холопи твои, съ московские волокиты въ конецъ не погибли и отъ московскихъ всякихъ чиновъ сильныхъ людѣі и отъ монастыреі и отъ всякихъ властѣі въ продаже не были, и чтобъ намъ, холопемъ твоимъ, отъ ихъ продажи и насильства въ конецъ не погинуть и твоеі бы царьской службы впредь не отбыть. Царь, государь, смилуйся.

А. М. Ю. Владим. ст. № 62, лл. 92—96.

Велѣдъ за этой челобитной идетъ ея изложеніе: «Въ челобитныхъ дворянъ и детей боярскихъ розныхъ городовъ написано: были они на государеве службе подъ Смоленскомъ» и т. д. Это изложеніе помѣщено на л.л. 97-102.

По склейкамъ листовъ (92-102): «145-го Февраля въ 20 день государь пожаловалъ: для ихъ службъ, что лѣтомъ всегда бываютъ на службехъ, а зимою для служебъ..., велѣлъ въ бѣглыхъ крестьянехъ суд... ихъ, будетъ доведетца, по сыску і по книгамъ, за сколько лѣтъ даютъ въ Троицкомъ Сергіеве монастырѣ; і о томъ писать памяти по приказомъ, а о указныхъ лѣтехъ справитца въ Дворцѣ і на Патріаршемъ дворѣ, какъ ихъ вѣдали судомъ блаженной памяти прі великомъ государе, святѣишемъ патріархе Филаретѣ Никитиче Московскомъ і всеа Русиі».

II. Память изъ Ямского приказа въ Разрядъ отъ 19 мая 146 г. о присылкѣ выписи изъ государева указа относительно того, «за сколько лѣтъ исъ которово году велено выдавать во крестьянство».

Лѣта 7146-го маия въ 19 день по государеву цареву і великого князя Михаила Федоровича всеа Русиі указу память дьякомъ думному Ивану Гавреневу да Григорію Ларионову. Велѣти имъ выписать изъ государева царева і великого князя Михаила Федоровича всеа Русиі указу: которые люди всякихъ чиновъ ищутъ на всякихъ людехъ бѣглыхъ своихъ крестьянъ помѣстныхъ и вотчінныхъ, и тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ по государеву указу тѣмъ помѣщикомъ, изъ за которыхъ они бежали, за сколько лѣтъ и съ которово году велено выдавать во крестьянство. Да та выпись прислати въ Ямской приказъ къ боярину ко князю Ондрѣю Васильевічю Хилкову, да къ дьякомъ къ Василью Яковлеву да къ Микиоору Демидову для вершенья судного дѣла.

Діякъ Микифоръ Демидовъ.

Л. 105. об.: 146-го мая въ 20 день (отнесъ).

А. М. Ю. Владим. ст. № 62, л. 105.

III. Память отъ 17 іюля 146 г. изъ Патріаршаго Разряда въ Разрядъ.

Лѣта 7146-го июля въ 17 день по приказу великого господина святѣишаго Иоасаоа патриарха Московского і всеа Русиі память діякомъ думному Івану Гавреневу да Григорью Ларионову. Въ Патриаршъ Розрядъ къ патриаршу боярину къ Семену Васильевичю Колтовскому, да къ діякомъ къ Ивану Соболеву да къ Ивану Головкову въ памяти за твоею Григорьевою приписью написано: велѣти бъ изъ государева царева і великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русиі и отца ево государева, блаженные памяти великого Государя святѣишаго Филарета Никитича, патріарха Московского і всеа Русиі, указу выписати въ Патриарше Розряде: которые люди бьютъ челомъ Государю на Троицкихъ властей во крестьянской вывоске і въ бѣглыхъ крестьянехъ, такъ же и Троицкого монастыря власти на которыхъ на дворянъ и на детей боярскихъ і всякихъ чиновъ на людей бьютъ челомъ во крестьянехъ же, и которые по суду и по сыску доведутся отдать Троицкимъ властемъ или дворяномъ и детемъ боярскимъ і всякихъ чиновъ людемъ во крестьяне на прежние ихъ крестьянские жеребі, и тѣхъ крестьянъ за сколько лѣтъ указано Троицкимъ властемъ и помѣщикомъ отдавать, да та выпись прислать къ вамъ въ Розрядъ. І въ Патріарше Розряде сыскано въ троицкихъ судныхъ делахъ: которые дворяня и дети боярские и всякихъ чиновъ люди били челомъ блаженные памяти при великомъ государе святѣишемъ Филарете Никитиче, патриархе Московскомъ і всеа Русиі, на Троицкихъ властей о бѣглыхъ своихъ крестьянехъ, которые, выбежавъ изъ за нихъ, жили за Троицкимъ Сергиевымъ монастыремъ меньши пяти лѣтъ, и тѣхъ крестьянъ по государеву цареву і великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русиі и отца ево государева, блаженные памяти великого государя святѣишаго Филарета Никитича, патріарха Московского і всеа Русиі, указу и уложенью и по суду и по сыску отдаваны старымъ дворяномъ и

детемъ боярскимъ і всякихъ чиновъ людемъ; а которые бѣглые крестьяне, выбежавъ изъ за старыхъ дворянъ и детей боярскихъ і всякихъ чиновъ людеи, а жили въ троицкихъ вотчинахъ и больши пяти лѣтъ, а челобитье ихъ въ тѣ годы на Троицкихъ властей о бѣглыхъ своихъ крестьянехъ было, чтобъ изъ лѣтъ не вышли, и тѣ крестьяне по государеву указу и по сыску отдаваны изъ за Троицкого монастыря тѣмъ же старымъ дворяномъ и детемъ боярскимъ; а будетъ тѣхъ дворянъ и детей боярскихъ, чье крестьяне выбежавъ жили въ троицкихъ вотчинахъ больши пяти лѣтъ, а челобитья ихъ въ тѣ годы на Троицкихъ властей о тѣхъ бѣглыхъ крестьянехъ не бывало, и тѣмъ крестьяномъ по сыску велено жить за Троицкимъ монастыремъ; а которые Троицкие Сергиева монастыря крестьяня выбежавъ жили за помѣщики и за вотчинники меньши девети лѣтъ, и тѣхъ крестьянъ по государеву цареву і великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русиі и отца ево государева, блаженные памяти великого государя святѣишаго Ѳиларета Никитича, патриарха Московского і всеа Русиі, указу и по уложенью и по суду и по сыску отдаваны въ Троицкой Сергѣевъ монастырь въ вотчины на старые жеребьи за деветь лѣтъ.

Діакъ Іванъ Соболевъ.

л. 103 об. Помѣта: 146-го июля въ 19 день государь сеѣ памяти про лѣта противъ государева указу [1]), писать памяти во все приказы.

А. М. Ю. Владим. ст. № 62, л. л. 103-104.

IV. Черновикъ отвѣтной памяти изъ Разряда въ Ямской приказъ отъ 13 августа 146 г. съ сообщеніемъ указа о срокѣ урочныхъ лѣтъ для возврата бѣглыхъ крестьянъ.

Лѣта 7146-го августа въ 13 день по государеву цареву і великого князя Михаила Федоровича всеа Русиі указу память бояришу князю Ондрѣю Васильевичю Хилкову, да дьякомъ Василью Яковлеву да Микиѳору Демидову. Въ памяти за твоею Микиѳоровою приписью написано: велено выписати изъ государева указу, которые люди всякихъ чиновъ ищутъ на всякихъ людехъ бѣглыхъ своихъ крестьянъ помѣсныхъ і вотчинныхъ, и тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ по государеву указу тѣмъ помѣщикомъ, изъ за которыхъ они бежали, за сколько лѣтъ і съ которого году велено выдать во крестьянство, да та выпись велено прислать къ вамъ въ Ямской приказъ для вершенья судново дѣла. І въ Разрядѣ сыскано: въ прошломъ въ 145-мъ году билі челомъ государю царю і

[1]) Здѣсь явный пропускъ: слушавъ, указалъ.

великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русіі дворяне и деті боярские украиныхъ и замосковныхъ городовъ: живутъ де они на государеве службе по вся годы съ весны и до осени, а по вестемъ и до большихъ снеговъ, и которые де изъ ихъ помѣстей и изъ вотчинъ бѣгаютъ крестьяне за властеі и за монастырі и за бояръ и за окольничихъ и за всякихъ чиновъ людеі, и имъ о тѣхъ своихъ крестьянехъ биті челомъ въ приказехъ нѣкому; какъ оні для тѣхъ своихъ нужъ съѣдутца по первому пути къ Москве и учнутъ въ приказехъ бить челомъ о судѣ, і после тово вскоре въ тѣхъ судныхъ дѣлехъ имъ велятъ отсрочить и съ Москвы велятъ ихъ ссылать, а указные лѣта о ихъ крестьянехъ въ тѣхъ проволочкахъ выходятъ; і государь бы ихъ пожаловалъ для службы, что они жівутъ на государеве службе ежегодъ долгое время, велѣлъ въ бѣглыхъ ихъ крестьянехъ указныхъ лѣтъ прибавить; и 145-го Февраля въ 20 день государь царь і великиі князь Михайло Федоровичъ всеа Русіі пожаловалъ дворянъ и детей боярскихъ розныхъ городовъ для ихъ службъ, что они на государеве службе живутъ ежелѣтъ долгое время, а на службу ихъ по веснѣ ссылаютъ рано, а съ службы ихъ отпускаютъ поздно, въ бѣглыхъ ихъ крестьянехъ, которые по суду и по сыску доведутца отдать (въ судныхъ дѣлехъ отсрочиваютъ рано, велѣвъ имъ на бѣглыхъ ихъ крестьянъ судъ давать, будетъ доведетца по сыску і по книгамъ, противъ Троецкихъ Сергиева монастыря, какъ по государеву указу отдаютъ троецкихъ крестьянъ властямъ; а по памяти съ Патріарша Двора июля въ 17 день нынешняго 146-го году въ Троецкомъ монастырѣ монастырьскихъ бѣглыхъ крестьянъ по государеву указу велено отдавать за девять лѣтъ)[1]), учинить указные годы противъ Троицкихъ властей, какъ указные годы по государеву указу въ бѣглыхъ крестьянехъ учинены Троецкимъ властемъ. А въ нынешнемъ въ 146-мъ году июля въ 17 день въ памяти въ Розрядъ къ діякомъ, къ думному къ Івану Гавреневу, да къ Григорью Ларіонову съ Патриарша Двора написано:...

Далѣе и до конца этой памяти излагается содержаніе напечатанной ранѣе памяти изъ Патріаршаго Разряда въ Разрядъ.

л. 110 об. Таковы памяти писать въ Судные въ оба приказы Зимка, во Дворецъ Богданъ Михалковъ, въ Холопеі приказъ Мардасъ, въ Помѣсной приказъ Тарховъ.

А. М. Ю. Владим. ст. № 62, лл. 106-111.

---

[1]) Поставленное въ скобки въ текстѣ подлинника зачеркнуто.

поставщикъ двора Его Величества
типографскихъ и канцелярскихъ товаровъ